Именем
Российской Федерации

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61^{11} Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3^{1} статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И.И.Покуля

город Санкт-Петербург 7 февраля 2023 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47^{1}, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61^{11} Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3^{1} статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина И.И.Покуля. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся

неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Ю.Бушева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно подпункту 1 пункта 12 статьи 61^{11} Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее также – Закон о банкротстве) контролирующее должника лицо несет субсидиарную ответственность по правилам этой статьи в случае, если невозможность погашения требований кредиторов наступила вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, однако производство по делу о банкротстве прекращено в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, или заявление уполномоченного органа о признании должника банкротом возвращено.

В силу пункта 3^1 статьи 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее также – Закон об ООО) исключение общества с ограниченной ответственностью из единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) в порядке, установленном федеральным законом о государственной регистрации юридических лиц для недействующих юридических лиц, влечет последствия, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации для отказа основного должника от исполнения обязательства; в данном случае, если неисполнение обязательств общества (в том числе вследствие причинения вреда) обусловлено тем, что лица, указанные в пунктах 1–3 статьи 53^1 того же Кодекса, действовали недобросовестно или неразумно, по заявлению кредитора на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам этого общества.

1.1. Арбитражные суды удовлетворили требования заявителя по настоящему делу – гражданина И.И.Покуля, являющегося индивидуальным предпринимателем, к обществу с ограниченной ответственностью, руководителем и единственным участником которого являлся гражданин П., о взыскании денежных средств. Исполнительные производства, возбужденные на основании выданных судом исполнительных листов, окончены в связи с невозможностью взыскания (пункт 3 части 1 статьи 46 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»). Определением Арбитражного суда Волгоградской области от 24 декабря 2018 года возбужденное по заявлению И.И.Покуля производство по делу о банкротстве общества прекращено ввиду отсутствия средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе расходов на выплату вознаграждения арбитражному управляющему (абзац восьмой пункта 1 статьи 57 Закона о банкротстве). В дальнейшем в связи с непредставлением документов отчетности, предусмотренных законодательством о налогах и сборах, и неосуществлением операций по банковским счетам общество признано фактически прекратившим свою деятельность и исключено из ЕГРЮЛ.

Решением от 10 июня 2020 года, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, Арбитражный суд Волгоградской области отказал И.И.Покулю в удовлетворении требования к П. о взыскании с него в порядке субсидиарной ответственности 5 351 687 руб. 25 коп. по обязательствам общества. Руководствуясь подпунктом 1 пункта 12 статьи 61^{11} Закона о банкротстве и пунктом 3^{1} статьи 3 Закона об ООО, оценивая их в системе действующего законодательства (включая статьи 10, 15 и 53^{1} ГК Российской Федерации, статью 65 АПК Российской Федерации, пункт 2 статьи 61^{11} Закона о банкротстве), суды пришли к выводу, что кредитор (И.И.Покуль), не получив должного от юридического лица и требуя привлечь к субсидиарной ответственности его руководителя, обязан доказать наличие к тому оснований, в том числе умысла либо грубой

неосторожности руководителя, непосредственно повлекших невозможность исполнения в будущем обязательств перед контрагентом.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 4 мая 2021 года И.И.Покулю отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам этого суда.

1.2. По мнению И.И.Покуля, подпункт 1 пункта 12 статьи 61^{11} Закона о банкротстве и пункт 3^{1} статьи 3 Закона об ООО противоречат статьям 2, 46 (часть 1) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им судебной практикой, они, возлагая на кредитора бремя доказывания наличия оснований для привлечения контролировавших должника лиц к субсидиарной ответственности, допускают возможность уклонения последних от указанной ответственности по обязательствам общества, в отношении которого дело о банкротстве прекращено ввиду отсутствия средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение применяемых в таком деле процедур, и исключенного в дальнейшем из ЕГРЮЛ.

Как следует из жалобы, И.И.Покуль исходит из того, что в такой ситуации он лишен возможности собрать и представить суду необходимые доказательства как самостоятельно, так и при содействии арбитражного управляющего, который не приступил к выполнению своих обязанностей в интересах в том числе кредиторов с целью анализа информации о деятельности должника (статьи 20^{3}, 66, 67 и др. Закона о банкротстве), поскольку дело о банкротстве было прекращено, притом что ответчик – лицо, контролировавшее организацию, бездействовало.

Таким образом, с учетом предписаний статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» подпункт 1 пункта 12 статьи 61^{11} Закона о банкротстве и пункт 3^{1} статьи 3 Закона об ООО служат предметом рассмотрения по настоящему делу в той мере, в какой на их основании решается вопрос о распределении бремени доказывания наличия

(отсутствия) оснований для привлечения к субсидиарной ответственности в споре, на одной стороне которого выступает лицо или лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность и являющиеся кредиторами общества с ограниченной ответственностью (должника), а на другой стороне – лицо, контролирующее это общество, в том случае, если производство по делу о банкротстве последнего прекращено без проведения применяемых в таком деле процедур (до введения первой процедуры) в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на их проведение, и позже это общество исключено из ЕГРЮЛ как недействующее, притом что на момент его исключения соответствующие исковые требования кредитора удовлетворены судом.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя в России единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности, равную защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности (статья 8), относит к числу прав и свобод, признание, соблюдение и защита которых являются обязанностью государства (статья 2), право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской, иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1) и право частной собственности, охраняемое законом и включающее в себя право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 35, части 1 и 2).

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что в России, как следует из приведенных положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 17, 18, 45 (часть 1) и 74 (часть 1), должны создаваться благоприятные условия для функционирования экономической системы, приниматься меры, направленные на достижение конституционно значимой цели оптимизации регулирования экономических отношений. Это требует стимулирования свободной рыночной экономики,

основанной на принципах самоорганизации хозяйственной деятельности предпринимателей как ее основных субъектов, а также надлежащих гарантий стабильности, предсказуемости, надежности гражданского оборота, эффективной судебной защиты прав и законных интересов его участников (постановления от 21 апреля 2003 года № 6-П, от 18 июля 2008 года № 10-П, от 24 июня 2009 года № 11-П и др.). Причем конституционные гарантии охраны экономической свободы и частной собственности, включая их судебную защиту, распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере (постановления от 20 мая 1997 года № 8-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 25 апреля 2011 года № 6-П и др.). Граждане, в свою очередь, могут самостоятельно определять сферу своей экономической деятельности и осуществлять ее как непосредственно, в индивидуальном порядке, так и опосредованно, в том числе путем создания коммерческого юридического лица либо участия в нем единолично или совместно с другими гражданами и организациями. Они вправе выбирать стратегию развития бизнеса, используя свое имущество с учетом конституционных гарантий права собственности (постановления от 24 февраля 2004 года № 3-П, от 15 марта 2005 года № 3-П и др.). При этом за субъектами экономических отношений признается право на осознанный и добровольный выбор юридических условий и принятие объективных рисков, связанных с конкретной хозяйственной деятельностью.

Вместе с тем по смыслу статей 8, 17 (часть 3), 34 (часть 2), 35 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации права и свободы в сфере предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности не должны осуществляться с нарушением прав и свобод других лиц и ставить под угрозу конституционно защищаемые ценности. В Постановлении от 18 июля 2008 года № 10-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что в силу принципа справедливости, проявляющегося, в частности, в необходимости обеспечения баланса прав и обязанностей всех участников рыночного

взаимодействия, свобода, признаваемая за хозяйствующими субъектами, и гарантируемая им защита должны быть уравновешены обращенным к ним требованием ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает их хозяйственная деятельность. Это согласуется и с положением статьи 75^1 Конституции Российской Федерации о необходимости обеспечивать сбалансированность прав и обязанностей гражданина.

2.1. Как следует из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 года № 8-П, конституционное требование действовать добросовестно и не злоупотреблять своими правами равным образом адресовано всем участникам гражданских правоотношений. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращал внимание и на взаимосвязь добросовестного поведения с надлежащей заботливостью и разумной осмотрительностью участников гражданского оборота (постановления от 27 октября 2015 года № 28-П, от 22 июня 2017 года № 16-П и др.).

Гражданский кодекс Российской Федерации, провозглашая основные начала гражданского законодательства, закрепляет, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно и никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункты 3 и 4 статьи 1). Кроме того, не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом) (пункт 1 статьи 10 данного Кодекса), в том числе причинение вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица (пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих

должника лиц к ответственности при банкротстве»). В случае несоблюдения указанных требований суд, арбитражный суд или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, применяет иные меры, предусмотренные законом, а если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков (пункты 2 и 4 статьи 10 данного Кодекса). В то же время добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются (пункт 5 статьи 10 данного Кодекса).

В свете конституционных требований и корреспондирующих им основных начал (по сути, принципов) гражданского законодательства должны интерпретироваться и применяться нормы, регламентирующие осуществление участниками гражданских правоотношений принадлежащих им прав и исполнение ими обязанностей. На истолкование положений Гражданского кодекса Российской Федерации, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права, в системной связи с основными началами, закрепленными в статье 1 данного Кодекса, ориентирует и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В частности, в его пункте 1 разъясняется, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, надо исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. При этом поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно

свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (статья 56 ГПК Российской Федерации и статья 65 АПК Российской Федерации). Если же будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела, характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры по защите интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения.

2.2. В Постановлении от 21 мая 2021 года № 20-П Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что, отдавая предпочтение тому или иному способу осуществления экономической деятельности, граждане соглашаются с теми юридическими последствиями, которые обусловлены установленным законодателем – исходя из существа и целевой направленности деятельности и положения лица в порождаемых ею отношениях – правовым статусом ее субъектов, включая права, обязанности и меры ответственности. В свою очередь, законодатель, действуя в рамках своих полномочий, при регулировании гражданско-правовых, в том числе корпоративных, отношений призван обеспечить их участникам справедливое, отвечающее разумным ожиданиям граждан, потребностям рынка, социально-экономической ситуации, не ущемляющее экономическую свободу и не подавляющее предпринимательскую инициативу соотношение прав и обязанностей, а равно предусмотреть соразмерные последствиям нарушения обязанностей меры и условия привлечения к ответственности на основе принципов гражданского законодательства.

В нормах об отдельных категориях субъектов, о некоторых видах деятельности законодатель воспроизводит конституционное и общеотраслевое положение об обязательности добросовестного поведения, дополнительно подчеркивая тем самым особую значимость следования в соответствующих случаях стандарту добросовестности и акцентируя внимание на требованиях к обязанному лицу, связанных с учетом законных

интересов других лиц, с проявлением им большей осмотрительности, разумности, с рачительным отношением к вверенному имуществу и пр. Отмеченное означает, что в таких случаях обязанное лицо должно прилагать дополнительные усилия, включая несение расходов для обеспечения их эффективности, по сравнению с мерами, имеющими общий характер и обычно принимаемыми любыми (всеми) участниками гражданского оборота во исполнение предписаний статей 1 и 10 ГК Российской Федерации.

В частности, именно так требования к добросовестному поведению воспроизведены в данном Кодексе для лица, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, для членов коллегиальных органов юридического лица (наблюдательного или иного совета, правления и т.п.), а также для лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания названным лицам (пункт 3 статьи 53 и пункт 3 статьи 53^1). Они обязаны действовать добросовестно и разумно в интересах этого юридического лица. Речь идет о совокупности интересов лиц, которые небезразличны к функционированию организации и от деятельности которых в той или иной степени зависит достижение ее уставных целей. Для корпоративных коммерческих организаций это трудовой коллектив, государственные органы, менеджмент, акционеры (пайщики, партнеры, товарищи и т.п.) и др. Удовлетворение интересов каждой отдельно взятой группы (например, интереса трудового коллектива в своевременной выплате и регулярном повышении заработной платы, в создании безопасных условий труда и в снижении нагрузки и т.д.), а потому и готовность ее членов содействовать достижению юридическим лицом целей деятельности неизбежно оказывает влияние на удовлетворение интересов другой группы лиц. Применительно к таким корпоративным коммерческим организациям, как общества с ограниченной ответственностью, положение об обязанности действовать добросовестно законодатель воспроизводит и при определении

обязанностей единоличного исполнительного органа общества в статье 44 Закона об ООО, тем самым делая акцент на особой востребованности для соответствующих отношений такого поведения, которое учитывает интересы различных лиц, значимых для деятельности общества.

Конституционный Суд Российской Федерации не раз указывал на вытекающую из самой природы корпоративной коммерческой организации неизбежность столкновения интересов различных групп лиц в процессе предпринимательской деятельности хозяйственных обществ и приходил к выводу, что одной из основных задач гражданского законодательства является обеспечение баланса их законных интересов с учетом того, что Конституция Российской Федерации закрепляет принцип, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (статья 17, часть 3), и гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1) (постановления от 24 февраля 2004 года № 3-П, от 28 января 2010 года № 2-П и от 21 февраля 2014 года № 3-П; Определение от 6 июля 2010 года № 929-О-О и др.).

При этом из числа лиц, чьи интересы должны быть учтены и защищены, нет оснований исключать и кредиторов юридического лица. Так, в силу прямого предписания пункта 1 статьи 30 Закона о банкротстве, если в процессе деятельности юридического лица у него возникают признаки банкротства, на контролирующее должника лицо возлагается обязанность действовать с учетом интересов кредиторов. Вместе с тем в условиях ограниченности ресурсов юридического лица (прежде всего, его имущества) одновременное полное удовлетворение интересов всех заинтересованных в его деятельности лиц, особенно в рамках банкротства, едва ли возможно. Поэтому законодатель в пределах дискреционных полномочий вправе отдавать предпочтение интересам той или иной группы, на что указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 3 июля 2007 года № 714-О-П.

В связи с этим стандарт добросовестного поведения контролирующих лиц (в том числе осуществляющих полномочия единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью), обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах контролируемой организации предполагают учет интересов всех групп, включенных в правоотношения с участием или по поводу этой организации, при соблюдении нормативно установленных приоритетов в их удовлетворении, в частности принятие всех необходимых (судя по характеру обязательства и условиям оборота) мер для надлежащего исполнения обязательств перед ее кредиторами. Это основывается, помимо прочего, на общеправовом принципе *pacta sunt servanda* и на принципах неприкосновенности собственности, свободы экономической деятельности и свободы договора, судебной защиты нарушенных прав (статьи 8, 34, 35 и 46 Конституции Российской Федерации), из чего следует возможность в целях восстановления нарушенных прав кредиторов привлечь контролирующих организацию лиц, действовавших недобросовестно и неразумно при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей, к ответственности при недостаточности ее средств и в предусмотренных законом случаях.

3. Согласно пункту 1 статьи 61^{11} Закона о банкротстве, если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, такое лицо несет субсидиарную ответственность по обязательствам должника. По смыслу, придаваемому этой норме в правоприменительной практике, под действиями (бездействием) контролирующего лица, приведшими к невозможности погашения требований кредиторов, следует понимать такие действия (бездействие), которые явились необходимой причиной банкротства должника, т.е. те, без которых объективное банкротство не наступило бы; суд оценивает существенность влияния таких действий (бездействия) на положение должника, проверяя наличие причинно-следственной связи между ними и фактически наступившим объективным

банкротством (пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»). При этом в силу пункта 3 статьи 1 ГК Российской Федерации и абзаца второго пункта 10 статьи 61^{11} Закона о банкротстве контролирующее должника лицо не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности тогда, когда его действия (бездействие), повлекшие негативные последствия на стороне должника, не выходили за пределы обычного делового риска и не были направлены на нарушение прав и законных интересов кредиторов.

Действующее законодательство допускает применение положений статьи 61^{11} Закона о банкротстве и вне рамок дела о банкротстве. В частности, согласно подпункту 1 ее пункта 12 контролирующее должника лицо несет субсидиарную ответственность по правилам той же статьи, если невозможность погашения требований кредиторов наступила вследствие действий и (или) бездействия этого лица, но производство по делу о банкротстве прекращено в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, или заявление уполномоченного органа о признании должника банкротом возвращено.

Как следует из пункта 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», по смыслу пункта 3 статьи 61^{14} Закона о банкротстве при прекращении производства по делу о банкротстве на основании абзаца восьмого пункта 1 статьи 57 данного Закона на стадии проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом (до введения первой процедуры банкротства) заявитель по делу о банкротстве вправе предъявить вне рамок дела требование о привлечении к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным, в частности, статьей 61^{11} данного Закона, если задолженность перед ним подтверждена вступившим в законную силу

судебным актом или иным документом, подлежащим принудительному исполнению в силу закона.

Кроме того, согласно пункту 3 статьи 64^2 ГК Российской Федерации привлечению вышеназванных лиц к ответственности не препятствует, в частности, исключение недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ. В соотношении с этим пункт 3^1 статьи 3 Закона об ООО предусматривает для случаев исключения общества из ЕГРЮЛ, что, если неисполнение его обязательств (в том числе вследствие причинения вреда) обусловлено недобросовестными или неразумными действиями лиц, указанных в пунктах 1–3 статьи 53^1 данного Кодекса, по заявлению кредитора на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам общества.

3.1. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что обязанность возместить причиненный вред является преимущественно мерой гражданско-правовой ответственности, которая применяется к причинителю вреда при наличии состава правонарушения, включающего, как правило, наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между противоправным поведением и наступлением вреда, а также вину (постановления от 15 июля 2009 года № 13-П, от 7 апреля 2015 года № 7-П, от 8 декабря 2017 года № 39-П и др.). Строгое соблюдение условий привлечения к ответственности необходимо в сфере банкротства как юридических лиц, так и индивидуальных предпринимателей, а пренебрежение ими влечет нарушение конституционных прав граждан (постановления от 31 января 2011 года № 1-П, от 18 ноября 2019 года № 36-П и др.). Субсидиарная ответственность контролирующих организацию лиц также служит мерой гражданско-правовой ответственности, притом что ее функция заключается в защите нарушенных прав кредиторов, в восстановлении их имущественного положения. При реализации этой ответственности, являющейся по своей природе деликтной, не отменяется и действие общих оснований гражданско-правовой ответственности. Лицо, контролирующее

организацию, не может быть привлечено к субсидиарной ответственности, если докажет, что при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась в обычных условиях делового оборота и с учетом сопутствующих предпринимательских рисков, оно действовало добросовестно и приняло все меры для исполнения организацией обязательств перед кредиторами (постановления от 21 мая 2021 года № 20-П, от 16 ноября 2021 года № 49-П).

О правовой природе субсидиарной ответственности, основанной на правиле пункта 3^1 статьи 3 Закона об ООО, как ответственности за деликт Конституционный Суд Российской Федерации высказался в Постановлении от 21 мая 2021 года № 20-П. До этого Верховный Суд Российской Федерации указывал, что долг, возникший из субсидиарной ответственности, подчинен тому же правовому режиму, что и иные долги, связанные с возмещением вреда имуществу участников оборота (статья 1064 ГК Российской Федерации) (пункт 22 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020), утвержденного Президиумом этого суда 10 июня 2020 года; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 3 июля 2020 года № 305-ЭС19-17007(2). Потому привлечение к субсидиарной ответственности на основании исследуемых норм возможно, только если судом установлены все условия для привлечения к гражданско-правовой ответственности, т.е. когда невозможность погашения долга возникла в результате неразумного, недобросовестного поведения контролирующих организацию лиц и по их вине.

3.2. Что касается распределения бремени доказывания для установления наличия материально-правовых оснований привлечения к рассматриваемой субсидиарной ответственности, то необходимо иметь в виду следующее.

Как из положений об ответственности за нарушение обязательств, так и из норм об ответственности за причинение вреда (деликтной) вытекает, что отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство или

причинившим вред (пункт 2 статьи 401 и пункт 2 статьи 1064 ГК Российской Федерации). Аналогичный подход в отношении презумпции виновности использован законодателем и для привлечения к ответственности контролирующего должника лица в деле о банкротстве. В силу пункта 10 статьи 61^{11} Закона о банкротстве контролирующее должника лицо, вследствие действий и (или) бездействия которого невозможно полностью погасить требования кредиторов, не несет субсидиарной ответственности, если докажет, что его вина в невозможности полного погашения требований кредиторов отсутствует. В той же норме уточняется, что такое лицо не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности, если оно действовало согласно обычным условиям гражданского оборота, добросовестно и разумно в интересах должника, его учредителей (участников), не нарушая при этом имущественные права кредиторов, и если докажет, что его действия совершены для предотвращения еще большего ущерба интересам кредиторов.

Наличие вины как одного из оснований привлечения к гражданско-правовой ответственности предполагается, однако, при условии, если установлены иные основания (с учетом предусмотренных законом презумпций). Так, Закон о банкротстве в пункте 2 статьи 61^{11} закрепляет исключение из общего правила о том, что каждый обязан доказывать те обстоятельства, на которые ссылается в обоснование своих требований (статья 65 АПК Российской Федерации). Предполагается (презюмируется), пока не доказано иное, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица при наличии хотя бы одного из обстоятельств, указанных в данной норме. При этом в соответствии с оспариваемым И.И.Покулем подпунктом 1 пункта 12 статьи 61^{11} Закона о банкротстве в случае прекращения производства по делу о банкротстве по основанию, имевшему место в его деле, применению подлежат также правила, предусмотренные той же статьей, т.е. и специальное правило о распределении бремени доказывания, сформулированное в ее пункте 2. Между тем введенные

рассматриваемой нормой презумпции в отношении таких оснований субсидиарной ответственности, как противоправное поведение и причинная связь между ним и причиненным кредитору вредом, перераспределяют бремя доказывания в пользу кредитора только при установлении указанных в ней специальных обстоятельств, относящихся к сфере хозяйственной деятельности должника, вне которой, как правило, находится кредитор. Возможность получения им некоторых процессуальных преимуществ в доказывании за счет реализации названных в пункте 2 статьи 61^{11} Закона о банкротстве презумпций зависит от этапа производства по делу о банкротстве, на котором оно прекращено ввиду отсутствия средств, достаточных для возмещения расходов на проведение соответствующих процедур, от того, была ли введена одна из применяемых в деле о банкротстве процедур, был ли назначен арбитражный управляющий и осуществлена ли передача ему документации должника. Указанные решения, как это имело место в деле И.И.Покуля и характерно для производств по делам о банкротстве фактически прекративших свою деятельность обществ с ограниченной ответственностью, могут и не состояться, и потому в таких случаях соответствующие презумпции в пользу кредитора оказываются неприменимыми. В случае заявителя после прекращения дела о банкротстве общества с ограниченной ответственностью оно не утратило своей правосубъектности, однако в дальнейшем признано фактически прекратившим свою деятельность и исключено из ЕГРЮЛ в порядке, установленном законом о государственной регистрации юридических лиц.

Вместе с тем при возникновении такого обстоятельства, как исключение фактически прекратившего свою деятельность общества с ограниченной ответственностью из ЕГРЮЛ в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», в пользу кредитора – физического лица, обязательство общества перед которым возникло не в связи с осуществлением кредитором

предпринимательской деятельности, также применяется презумпция, основанная не на буквальном тексте закона, а на его конституционном истолковании в Постановлении от 21 мая 2021 года № 20-П. В этом решении Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 3^1 статьи 3 Закона об ООО не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащиеся в нем положения предполагают при привлечении лиц, контролировавших общество, исключенное из ЕГРЮЛ в порядке, установленном законом для недействующих юридических лиц, к субсидиарной ответственности по его долгам кредитору, если на момент исключения общества из ЕГРЮЛ соответствующие исковые требования кредитора удовлетворены судом, его применение судами исходя из предположения о том, что именно бездействие этих лиц привело к невозможности исполнения обязательств перед истцом – кредитором общества, пока на основе фактических обстоятельств дела не доказано иное. Конституционный Суд Российской Федерации дополнительно указал, что сделанный им вывод, связанный с ситуацией, когда истцом-кредитором выступает гражданин-потребитель, чьи права гарантированы также специальным законодательством о защите прав потребителей, сам по себе не исключает применения такого же подхода к распределению бремени доказывания в случаях, когда кредитором выступает иной субъект, нежели физическое лицо, обязательство общества перед которым возникло не в связи с осуществлением кредитором предпринимательской деятельности.

Конституционный Суд Российской Федерации обращал внимание и на недобросовестность предшествующего исключению юридического лица из ЕГРЮЛ поведения тех граждан, которые уклонились от совершения необходимых действий по прекращению юридического лица в предусмотренных законом процедурах ликвидации или банкротства, и отмечал, что такое поведение может также означать уклонение от исполнения обязательств перед кредиторами юридического лица

(Постановление от 21 мая 2021 года № 20-П; определения от 13 марта 2018 года № 580-О, № 581-О и № 582-О, от 29 сентября 2020 года № 2128-О и др.). Необращение в арбитражный суд с заявлением о признании общества с ограниченной ответственностью банкротом, нежелание контролирующих его лиц финансировать расходы по проведению банкротства, непринятие ими мер по воспрепятствованию его исключения из ЕГРЮЛ (пункты 3 и 4 статьи 21^1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей») при наличии подтвержденных судебными решениями долгов общества перед кредиторами свидетельствуют о намеренном – в нарушение статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации – пренебрежении контролирующими общество лицами своими обязанностями, о попытке избежать рисков привлечения к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве, чем подрывается доверие участников оборота друг к другу, дестабилизируется гражданский оборот.

3.3. Конституционное требование о добросовестном поведении в силу своей универсальности распространяется на любое взаимодействие между субъектами права во всех сферах жизнедеятельности. Для гражданских правоотношений это находит закрепление, в частности, в пункте 3 статьи 307 ГК Российской Федерации, в соответствии с которым стороны обязательства и после его прекращения, а также при его установлении и исполнении обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, предоставляя друг другу необходимую информацию. Кредитор и контролирующее деятельность должника лицо обязаны проявлять добросовестность, содействуя друг другу с целью справедливого распределения рисков на всех этапах взаимодействия, начиная с правоотношений (преимущественно договорных) с организацией-должником и завершая разрешением в суде спора о наличии установленных в законе материально-правовых оснований для привлечения

контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, а равно должны сохранять уважение к правосудию.

Поэтому кредиторы, в том числе ведущие предпринимательскую деятельность, прибегая к судебной защите своих имущественных прав, вправе рассчитывать на добросовестное поведение контролирующих должника лиц не только в материально-правовых, но и в процессуальных отношениях: на их содействие правосудию, на раскрытие информации о хозяйственной деятельности контролируемой организации, на представление документов и иных доказательств, необходимых для оценки судом наличия либо отсутствия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности.

3.4. В то же время кредиторы должника, и прежде всего осуществляющие предпринимательскую деятельность лица, как минимум не должны – с учетом принципов добросовестности и справедливости, а равно с учетом предопределенного ими запрета на извлечение преимуществ из недобросовестного поведения – способствовать увеличению размера причиняемого им вреда (статья 1083 ГК Российской Федерации). Это позволяет предполагать, что предпринимаемые к тому разумные меры влекут снижение вероятности привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, а также неувеличение ее размера.

Соответствующий подход находит подтверждение при установлении оснований привлечения к ответственности как для договорных, так и для внедоговорных гражданско-правовых обязательств. Так, в пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» отмечается, что должник вправе предъявить возражения относительно размера причиненных кредитору убытков и представить доказательства, что кредитор мог уменьшить такие убытки, но не принял для этого разумных мер (статья 404 ГК Российской Федерации).

4. При обращении в суд с основанным на подпункте 1 пункта 12 статьи 61^{11} Закона о банкротстве и пункте 3^{1} статьи 3 Закона об ООО требованием о привлечении к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве, когда производство по делу о банкротстве прекращено судом на стадии проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом (до введения первой процедуры банкротства), доказывание кредитором неразумности и недобросовестности действий лиц, контролировавших исключенное из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо, объективно затруднено.

Кредитор, в отличие от кредитора в деле о банкротстве, не получает содействия арбитражного управляющего в защите своих прав. Это выражается (помимо непредъявления арбитражным управляющим требования о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и требований об оспаривании сделок должника по правилам главы III^{1} Закона о банкротстве) в неполучении от него необходимой информации о должнике, включая сведения об имуществе, о сделках и действиях, способной подтвердить недобросовестность и неразумность контролирующих лиц, в том числе о сделках (подозрительные сделки и сделки с предпочтением), с совершением которых закон связывает установление в пользу кредитора определенных презумпций. В отличие от арбитражного управляющего как облеченного публичными функциями специалиста, кредитор не наделен правом направлять обязательные к исполнению запросы о хозяйственной деятельности должника физическим и юридическим лицам, государственным органам, органам управления государственными внебюджетными фондами и органам местного самоуправления и получать от них в том числе сведения, составляющие служебную, коммерческую и банковскую тайну (абзацы седьмой и десятый пункта 1 статьи 20^{3} Закона о банкротстве). Причем производимая по делу о банкротстве арбитражным управляющим оценка финансового состояния должника обычно не может быть осуществлена кредитором самостоятельно не только из-за отсутствия доступа к необходимой для исследования

документации за длительный период, но и подчас по причине отсутствия у него специальных познаний для оценки соответствующей информации.

Принятие же кредитором на себя – вместо лиц, контролирующих должника и призванных произвести его ликвидацию, – обязанности по финансированию процедур банкротства исключительно для целей сбора доказательств по делу о привлечении этих лиц к субсидиарной ответственности может, с учетом потенциально высокой стоимости такого пути получения доступа к сведениям о деятельности должника, привести к увеличению имущественных потерь кредитора, нередко для него значительных, в отсутствие гарантий взыскания долга перед ним. Иные правовые инструменты сбора доказательств, формально доступные кредитору, включая адвокатский запрос (статья 6^1 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), истребование доказательств судом (статья 66 АПК Российской Федерации), содействие судебного пристава-исполнителя при взыскании долга с основного должника для изучения деятельности последнего (Федеральный закон «Об исполнительном производстве»), могут оказаться неэффективными вследствие как отказа в предоставлении испрашиваемых сведений, так и неосведомленности кредитора о конкретных доказательствах, необходимых для доказывания оснований привлечения к субсидиарной ответственности, и об их наличии у контролирующих должника лиц. Не компенсируется неравенство процессуальных возможностей сторон и за счет сведений из общедоступных источников (в частности, Государственного информационного ресурса бухгалтерской (финансовой) отчетности: *bo.nalog.ru*) – ввиду возможного отсутствия в них требуемой информации о должнике либо ее неполноты.

Таким образом, требование о возмещении вреда, предъявленное кредитором лицу, контролирующему должника, в рассматриваемых обстоятельствах может сопровождаться неравными – в силу объективных

причин – процессуальными возможностями истца и ответчика по доказыванию оснований для привлечения к ответственности.

5. Выравнивание объективно предопределенного неравенства в возможностях доказывания осуществляется, в частности, посредством возложения в силу закона на участников соответствующих отношений дополнительных обязанностей, наделения корреспондирующими правами, предоставления процессуальных преимуществ в виде презумпций и посредством процессуальной деятельности суда по распределению бремени доказывания с целью соблюдения принципа добросовестности в его взаимосвязи с принципом справедливости для недопущения извлечения преимуществ из недобросовестного поведения, в том числе при злоупотреблении правом.

5.1. Согласно пункту 2 статьи 61^{15} Закона о банкротстве лицо, в отношении которого подано заявление о привлечении к ответственности, обязано направить или представить в арбитражный суд и лицу, подавшему заявление о привлечении к субсидиарной ответственности, отзыв на заявление о привлечении к субсидиарной ответственности, отвечающий требованиям к отзыву на исковое заявление, предусмотренным Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации.

Исходя из статей 17 (часть 3), 19 (часть 1), 45 и 46 Конституции Российской Федерации и из специального требования о добросовестности, закрепленного в Гражданском кодексе Российской Федерации и в Законе об ООО, стандарт разумного и добросовестного поведения в сфере корпоративных отношений предполагает, что обязанность действовать в интересах контролируемого юридического лица включает в себя не только формирование имущества корпорации в необходимом размере, совершение действий по ликвидации юридического лица в установленном порядке и т.п., но и аккумулирование и сохранение информации о хозяйственной деятельности должника, ее раскрытие при предъявлении в суд требований о возмещении вреда, причиненного доведением должника до объективного банкротства. Отказ же или уклонение контролирующих лиц от

представления суду характеризующих хозяйственную деятельность должника доказательств, от дачи пояснений либо их явная неполнота свидетельствуют о недобросовестном процессуальном поведении, о воспрепятствовании осуществлению права кредитора на судебную защиту.

Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК Российской Федерации). В число известных закону мер, которые могут быть применены судом к контролирующим должника лицам при установлении их недобросовестного поведения в процессе (при уклонении от раскрытия информации о хозяйственной деятельности должника), входит и перераспределение бремени доказывания между сторонами спора. В связи с этим пункт 4 статьи 61^{16} Закона о банкротстве предусматривает, что в случае непредставления лицом, привлекаемым к субсидиарной ответственности, указанного в пункте 2 его статьи 61^{15} отзыва по причинам, признанным арбитражным судом неуважительными, или явной неполноты возражений относительно предъявленных к нему требований по доводам, содержащимся в заявлении о привлечении к субсидиарной ответственности, бремя доказывания отсутствия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности может быть возложено судом на привлекаемое к ней лицо.

Применительно к процедурам банкротства Пленум Верховного Суда Российской Федерации также исходит из того, что, хотя по общему правилу на арбитражном управляющем, кредиторах, в интересах которых заявлено требование о привлечении к ответственности, лежит бремя доказывания оснований возложения ответственности на контролирующее должника лицо (статья 65 АПК Российской Федерации), отсутствие у членов органов управления, иных контролирующих лиц заинтересованности в раскрытии документов, отражающих реальное положение дел и действительный оборот, не должно снижать уровень правовой защищенности кредиторов при необоснованном посягательстве на их права. Поэтому, если арбитражный управляющий или кредиторы с помощью косвенных доказательств убедительно обосновали утверждения о наличии у

привлекаемого к ответственности лица статуса контролирующего и о невозможности погашения требований кредиторов вследствие действий (бездействия) последнего, бремя опровержения этих утверждений переходит на привлекаемое лицо, которое должно доказать, почему письменные документы и иные доказательства арбитражного управляющего, кредиторов не могут быть приняты в подтверждение их доводов, раскрыв свои документы и представив объяснения относительно того, как на самом деле осуществлялась хозяйственная деятельность (пункт 56 постановления «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»).

Этот же подход применим и к спорам о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве, а равно к иным процессуальным действиям участников спора.

5.2. С учетом положений статьи 75^1 Конституции Российской Федерации о социальном партнерстве, экономической, политической и социальной солидарности требование о добросовестном поведении в материально-правовых и процессуальных отношениях распространяется в силу его универсальности и на кредиторов, тем более осуществляющих предпринимательскую деятельность, которая, будучи профессиональной, самостоятельной и рисковой, может оказывать серьезное влияние на обеспечение прав и законных интересов множества иных лиц. Поскольку привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов, до обращения в суд с таким требованием последние должны убедиться в невозможности исполнения (прекращения) обязательства организации как в добровольном, так и в принудительном порядке. Кредитор должен проявлять в отношениях с должником требуемую по условиям оборота заботливость и осмотрительность, включая своевременное использование механизмов досудебной и судебной защиты прав и принудительного исполнения судебных решений.

В этом смысле показательна позиция Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой привлечение физического лица к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный публично-правовому образованию в размере подлежащих зачислению в его бюджет налогов организации-налогоплательщика и возникший в результате уголовно-противоправных действий этого лица, возможно (за исключением случаев, когда судом установлено, что юридическое лицо служит лишь прикрытием для действий контролирующего его физического лица, т.е. *de facto* не является самостоятельным участником экономической деятельности) лишь при исчерпании либо отсутствии правовых оснований для применения предусмотренных законом механизмов удовлетворения налоговых требований за счет самой организации или лиц, привлекаемых к ответственности по ее долгам в предусмотренном законом порядке, в частности после внесения в ЕГРЮЛ сведений о прекращении этой организации, либо в случаях, когда организация-налогоплательщик фактически является недействующей, в связи с чем взыскание с нее или с указанных лиц налоговой недоимки и пени в порядке налогового и гражданского законодательства невозможно (Постановление от 8 декабря 2017 года № 39-П).

По крайней мере, с учетом положений пункта 3 статьи 307, подпункта 1 пункта 3 статьи 307^1 и пункта 2 статьи 1083 ГК Российской Федерации, правовой природы субсидиарной ответственности лица, контролирующего должника, и требований к добросовестному поведению участников гражданского оборота, в том числе когда речь идет о лицах, занимающихся профессиональной деятельностью, включая предпринимателей, поведение кредитора-предпринимателя не должно приводить к увеличению размера вреда, причиненного контролирующими должника лицами.

Стандарт добросовестного поведения кредитора как стороны спора о привлечении к субсидиарной ответственности лица, контролирующего должника, предполагает, в частности, невозможность безосновательно ссылаться на трудности в доказывании противоправности поведения

ответчика и причинной связи между таким поведением и вредом при наличии фактически полного доступа к сведениям и документации о хозяйственной деятельности должника в силу, например, аффилированности с ним, принадлежности заявителю государственно-властных полномочий, позволяющих получить указанную информацию, в силу особого положения на рынке, требований, обычно предъявляемых в гражданском обороте к отношениям между подобными хозяйствующими субъектами, сложившихся между кредитором и должником правил взаимодействия, обусловливающих раскрытие этих данных должником перед кредитором, и т.д.

На распределение бремени доказывания в случае, когда у кредитора имелась возможность получить доступ к информации о деятельности должника, в том числе в силу их аффилированности, обращено внимание и Верховным Судом Российской Федерации в пункте 1 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утвержден его Президиумом 29 января 2020 года). Отмечено, что на аффилированном с должником кредиторе лежит бремя опровержения разумных сомнений относительно мнимости договора, на котором основано его требование, заявленное в деле о банкротстве. Аффилированный кредитор не имеет каких-либо препятствий для представления суду полного набора дополнительных доказательств, находящихся в сфере контроля группы, к которой он принадлежит, устраняющего все разумные сомнения по поводу мнимости сделки. Если аффилированный кредитор не представляет такого рода доказательства, то считается, что он отказался от опровержения факта, о наличии которого со ссылкой на конкретные документы указывают его процессуальные оппоненты (статьи 9 и 65 АПК Российской Федерации).

Добросовестность кредитора может оцениваться и применительно к его поведению в рамках предупреждения банкротства: при принятии им мер, направленных на восстановление платежеспособности должника на основании

соглашения с последним (пункт 3 статьи 30 Закона о банкротстве), при оказании кредитором должнику финансовой помощи (санация) (статья 31 Закона о банкротстве) и принятии в связи с этим на себя должником обязательств в пользу кредитора – не исключено, что и на кабальных условиях или в силу явного неравенства переговорных возможностей (пункт 3 статьи 428 ГК Российской Федерации) на иных невыгодных для должника условиях. Возможна такая оценка и применительно к поведению кредитора в процедурах банкротства (до прекращения производства по делу о банкротстве на основании абзаца восьмого пункта 1 статьи 57 Закона о банкротстве), в которых он вправе участвовать при решении вопросов, связанных с определением деятельности должника, оказывая влияние, порой существенное, на способность должника исполнить свои обязательства (например, голосование на собрании кредиторов или в комитете кредиторов в соответствии со статьями 12 и 17 Закона о банкротстве).

6. В Определении от 11 ноября 2021 года № 2358-О Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что, оценив правовые возможности кредитора по получению доступа к сведениям и документам о хозяйственной деятельности должника, вероятность фактической реализации этих возможностей, суд при рассмотрении на основании пункта 3^1 статьи 3 Закона об ООО конкретного дела в силу имеющейся у него дискреции может в зависимости от обстоятельств дела и представленных истцом доводов и доказательств предложить лицам, участвующим в деле, включая ответчика, представить дополнительные доказательства, необходимые для выяснения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела.

Исходя из этой правовой позиции и по смыслу подпункта 1 пункта 12 статьи 61^{11} Закона о банкротстве и пункта 3^1 статьи 3 Закона об ООО, рассматриваемых в системной связи с пунктом 4 статьи 1, статьей 10, пунктом 3 статьи 53 и пунктами 1–3 статьи 53^1 ГК Российской Федерации, пунктом 2 статьи 61^{11} и пунктом 4 статьи 61^{16} Закона о банкротстве, если кредитор, обратившийся после прекращения судом производства по делу о банкротстве (до введения первой процедуры банкротства) с заявлением о привлечении к

субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, утверждает, что такое лицо действовало недобросовестно и (или) неразумно, и представил судебные акты, подтверждающие неисполнение обществом обязательств перед ним, а также доказательства фактического прекращения хозяйственной деятельности общества (его исключения из ЕГРЮЛ), суд должен оценить возможности кредитора по получению доступа к сведениям и документам о хозяйственной деятельности должника, вероятность фактической реализации этих возможностей и предложить лицам, участвующим в деле, в том числе ответчику, представить дополнительные доказательства, необходимые для выяснения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела. В отсутствие у кредитора, действующего добросовестно, доступа к сведениям и документации о хозяйственной деятельности должника и при отказе или уклонении контролирующего лица от дачи пояснений (отзыва) о своих действиях (бездействии) при управлении должником, о причинах неисполнения обязательств перед кредитором и прекращения обществом хозяйственной деятельности (в том числе при неявке в суд) или при явной неполноте пояснений, при непредставлении доказательств правомерности своего поведения (т.е. при установлении судом недобросовестности поведения контролирующего должника лица в процессе) обязанность доказать отсутствие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности возлагается судом на лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности. Иное, т.е. получение в деле по заявлению кредитора преимущества в виде освобождения от ответственности в результате недобросовестного процессуального поведения контролирующего должника лица, которое в силу своего положения способно оказывать существенное влияние на деятельность общества и обязано при возникновении признаков банкротства действовать с учетом интересов кредиторов, вступало бы в противоречие с принципом справедливости. Если же в ходе дальнейшего рассмотрения дела будет установлена недобросовестность поведения в процессе кредитора, суд уполномочен корректировать решения, касающиеся распределения соответствующих процессуальных обязанностей.

7. Таким образом, подпункт 1 пункта 12 статьи 61^{11} Закона о банкротстве и пункт 3^{1} статьи 3 Закона об ООО не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают, что если суд при привлечении по заявлению кредитора, осуществляющего предпринимательскую деятельность, к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника – общество с ограниченной ответственностью, производство по делу о банкротстве которого прекращено до введения первой процедуры банкротства в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, и которое в дальнейшем исключено из ЕГРЮЛ как недействующее, а на момент его исключения из ЕГРЮЛ соответствующие исковые требования кредитора удовлетворены судом, установит недобросовестность поведения контролирующих лиц в процессе, притом что не установлена также недобросовестность процессуального поведения самого кредитора, то данные нормы применяются исходя из предположения о том, что виновные действия (бездействие) именно этих лиц привели к невозможности исполнения обязательств перед кредитором, пока на основе фактических обстоятельств дела не доказано иное.

При этом лицо, контролирующее общество, не может быть привлечено к субсидиарной ответственности, если докажет, что при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась в обычных условиях делового оборота и с учетом сопутствующих предпринимательских рисков, оно действовало добросовестно и приняло все меры для исполнения обществом обязательств перед кредиторами. В то же время надо иметь в виду, что само по себе исключение общества с ограниченной ответственностью из ЕГРЮЛ – учитывая разные обстоятельства, которыми оно может быть обусловлено, возможность судебного обжалования действий регистрирующего органа и восстановления правоспособности юридического лица, а также принципы ограниченной ответственности хозяйственного общества, защиты делового решения и неизменно присущие

предпринимательству риски – не может служить неопровержимым доказательством совершения контролирующими общество лицами недобросовестных действий, повлекших неисполнение обязательств перед кредиторами (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2021 года № 20-П).

При решении вопроса о распределении бремени доказывания наличия или отсутствия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности в указанных случаях необходимо принимать во внимание как добросовестность лица, контролирующего должника, включая исполнение таким лицом своей обязанности по учету интересов кредитора, в том числе при рассмотрении дела в суде, так и процессуальную добросовестность кредитора, притом что на момент исключения общества из ЕГРЮЛ требование кредитора удовлетворено судом (что не препятствует суду, вынося окончательное решение в споре, учесть и добросовестность кредитора в материально-правовых отношениях, как это отмечено выше).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47^{1}, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать подпункт 1 пункта 12 статьи 61^{11} Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункт 3^{1} статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что если суд при привлечении по заявлению кредитора, осуществляющего предпринимательскую деятельность, к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника – общество с ограниченной ответственностью, производство по делу о банкротстве которого прекращено до введения первой процедуры банкротства в связи с отсутствием средств,

достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, и которое в дальнейшем исключено из единого государственного реестра юридических лиц как недействующее, а на момент его исключения из реестра соответствующие исковые требования кредитора удовлетворены судом, установит недобросовестность поведения контролирующих лиц в процессе, притом что не установлена также недобросовестность процессуального поведения самого кредитора, то данные нормы применяются исходя из предположения о том, что виновные действия (бездействие) именно этих лиц привели к невозможности исполнения обязательств перед кредитором, пока на основе фактических обстоятельств дела не доказано иное.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл подпункта 1 пункта 12 статьи 61^{11} Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3^{1} статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Судебные акты, вынесенные в отношении гражданина Покуля Игоря Ивановича на основании подпункта 1 пункта 12 статьи 61^{11} Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3^{1} статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (*www.pravo.gov.ru*).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 6-П